

ангелы «а»

вчера завезли на оранжевых тягачах
новенькие тысячелетия, пахнущие машинным
маслом и стружками.
вот они — похожи на громадные синие секвойи,
каждое — толще пизанской башни
и выше небоскрёба стейт-билдинг,
но не про нас, не про нас —
смотрим на вечность, точно муравьи-диабетики
на сверкающие горы сахара,
как же отщипнуть от тысячелетия несколько
лишних лет?

рыжие чешуйки коры...
мир благоухает тысячелетиями, пряной смолой,
мусоровозами, свежесваренным кофе,
серый пузырчатый шум человечества
заглушает базальтовое молчание тысячелетий.
одноразовые ангелы —
глупые, загорелые, в татуировках, —
сгораем, не оставляя пепла,
только печальные лужицы жира,
питательная ностальгия. давай же, любимая,
заплатим за садик, перевезем холодильник,
купим тысячу и одну вещь...
только душа — это детеныш великана
запертый в готическом замке: идут годы,
детеныш растёт,
и однажды ты понимаешь — великан уже никогда
не сможет выйти, не разрушив замок.
так и ты боишься смерти...

* * *

пруд затянуло льдом — как катарактой глаз.
зима — вынужденная старость мира,
еще не изобрели бессмертие —
только белую паузу
между чавканьем в саду
и размножением божьих тварей,
музыкальные, завьюженные,
завихристые паузы.
семенит странное чувство,
как нутрия в коридоре
космического корабля: уже медленно вращаются
во звездном чреве
среди туманностей заводов и городского смога
оранжевые зародыши адама и евы,
но нет ещё ни райского сада, ни планеты Эдем.

и змей искрит — прозрачный, как провод, —
только как идея.
крестьянские дети на коньках,
каины, авели, мариин,
гурьбой спускаются на твердый лед,
лодки, как конусомордые собаки,
прячутся в будках —
явился белый тигр
с хрустальными когтями на ветвях.
ледяная крупа стучит по планшету,
и пальцы замерзают.
мир записывают на мир,
как программу на программу,
не соизволив полностью стереть тебя.
зима зима зима

* * *

однажды исчезнут все уста.
любимые глаза,
прочитавшие строки, растворятся. сотрут
о наждачную бумагу времени —
тонкую, мелкозернистую.
людоед лет не сохранит
даже чёрную маслинную косточку зрачка.
точно жизнь — это разбег балерины
и в то же время
разбег спички по чикаркалу. вспышка.
неровное пламя, горение и мерное угасание
в позиции йога: нога согнута в колене
и руки над головой:
чик-чирик, я в домике созвездий.
но нет дома.
нет никого...
возможно, после нас останутся слова —
блуждающие светляки-инопланетяне,
невредимые, невидимые, неэвклидные. когда
исчезнет вся вселенная —
самим за себя завалившимся кубом,
чёрно-звёздным, тягучим кошмаром.
и что?
текущий вскрик звезды,
бескрайний, как роды в летнюю ночь.
на сковороде ночного поля
жарят сверчков на лунном масле. горчит трава.
мучительное зернистое сопение, хрусткий шум
лошадиных челюстей. так по словам,
по левитирующим островам
шагает беспардонный Шагал,
и смерть, и жизнь не могут его достать.